
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖЕЛТЫЙ ЛИК“

К И Т А Й

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

Под редакцией Э. Е. МАГАРАМ.

Ш А Н Х А Й

1 9 2 3

ПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ СИБДАЛЬГОСТОРГА, В ШАНХАЕ.

PRINTED BY THE SIBERIAN PRINTING & PUBLISHING COMPANY, SHANGHAI.

ЖЕЛТЫЙ ЛИК.

1. У ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ.

Белый тупик с черными иероглифами во всю стену. Темные, загнутые кверху, острые углы серой крыши неясно выступают в синеголубом рассвете, кажутся издали контурами таинственного замка. Тихо и прохладно. Глухо-монотонно бубнят невидимые молитвенные барабаны и часто вздрагивает гонг, протяжно и жалобно, как бессильное жужжание пчел над осенним ульем.

В отдалении, неровными промежутками, неожиданно всплывают и замирают мягкие плешки босых пяток лампацо. В свежем дыхании ночного воздуха резко и фальшиво звучат одинокие напевы бродячих продавцов и ремесленников, напоминающие пробу инструментов в духовом оркестре. У больших узорчатых железных ворот дремлет привратник: худой с бритой головой и редкими серыми усами, закутанный в гору тряпок. Посреди улицы, под выступом храмовой стены, плачет навзрыд калека-нищий, — отвратительное грязное чудовище, хватающее прохожих за ноги, с выставленными напоказ оголенными конечностями с гноящимися язвами. Уличные собаки старательно обходят стороной железную мисочку нищего с позеленевшими медяками...

В белый тупик храма упирается лабиринт узеньких улочек и проулочков, вьющихся змейками. Поперек улочек, низко, почти над головами прохожих, на тонких бамбуках испаряется мокрое тряпье. Бесстыдно развешаются мужские и женские штаны, куртки, рубахи и детское белье, — распространяют вокруг тяжелый застарелый запах пота и едкого щелока. Под удручающими тряпичными арками устало тащат ноги одинокие прохожие, тревожно перекликаются встречаемые лампацо и упруго подпрыгивают по рытвинам и камням резиновые колеса рикши.

Из-за стены тупика, со стороны храма, медленно и нелихаво выплывает солнце. Вот, слабо улыбунулся широкий радужный луч по развешенному для сушки тряпью, несмело скользнул по верхним этажам, над высокими слепыми стенами и, не успев оглянуться, смотришь, — всюду уж сверкает, ест глаза золотая пыль. В убогой лавчонке с настеж раскрытыми, словно черной пастью, дверями, сидит на пороге девочка-подросток в пестрых ситцевых штанишках

и, широко расставив полукругом худые ножки, щеплет большим ножом полено. Вокруг нее мирно клоует чухлая курица, греется, почесываясь у стены худая, облезлая кошка и озабоченно-деловито, всматриваясь близорукими глазами, бьет насекомых лисая старуха, высоко задрав на сухой почерневшей ноге штанину.

Рядом с храмовым двором тянется к солнцу небольшой китайский садик — собственность важного мандарина. От ворот поднимается вверх укаяя тропинка, выложенная серыми плитами, ведущая острыми зигзагами и лесенками к конусной верхушке искусственного холмика. С вершины холма виден, как на ладони, игрушечный садик, со всеми его крошечными причудливыми прудиками, мостиками, горками, каменными и деревянными беседками, увитыми плющем. На листьях и в траве поблескивают алыми капельками роса, еще свежо влажное дыхание ночи. На холмике, у подножия городской стены, под двумя каменными львами-чудовищами, с туловищами драконов, покояется предки владельца. В разинутых пастьях каменных чудовищ свили себе гнезда вороны и оглашают всю окрестность жутким карканьем. У прудиков в болоте, меж низких пестрых кочек, растут сочные астры, всюду разбросаны яркие кусты орхидей, тюльпанов и лилий, вкрапленных в сплошное поле диких чайных роз.

Улицы и проулки из тупика ведут к набережной смрадного канала с деревянными, полусгнившими мостками. По каналу медленно ползут, упирясь длинными шестами в дно, неуклюжие широкие джолки, плоскодонные баржи, груженные нечистотами, шаркают сплошные плоты меж берегов. За каналом, на обширной, неровной площади, окруженной со всех сторон убогими одноэтажными лачугами без окон, раскинулся китайский базар.

Всюду, насколько может охватить глаз, тянутся лари и лотки со съестными припасами, живностью, хозяйственной мелочью, посудой, галантереей и предметами роскоши. Тут же варят и жарят под открытым небом в уличных трактирах и харчевнях, откуда несет смрадным угаром, впопыхах искусно работают ножами-бритвами брадобреи, врачуют зубные врачи, колдуны, работают портные и сапожники, целяются за ноги прохожих калески-нищие. В ярком ослепительном свете солнечного утра, площадь кишит людьми, подобно микробам в йишлом сыре, переливается яркими живыми красками зелени, овощей, рыб, кровавых туш, сочных фруктов, птиц, загорелых оголенных тел кули и пестрыми нарядами молодых китайцев. Над всеми красками и цветами, движущимися с быстротой пущенной в небо ракеты, неподвижно засыл в воздухе темно-желтый монгольский лик с раскосыми таинственными глазами, покорный и надменный, с притаившейся вежливой улыбкой на устах.

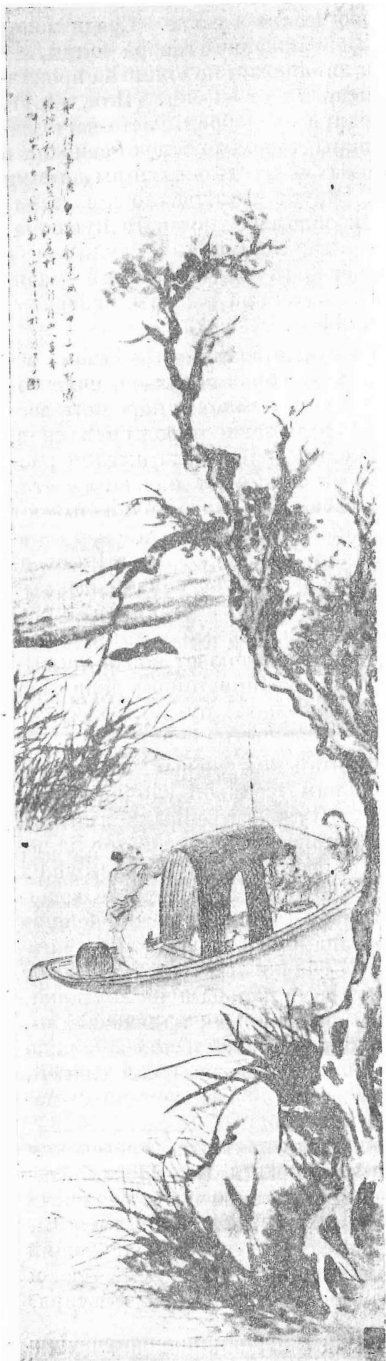
Рыбные лари серебрятся на солнце чешуей, вздрагивают радужными полосами, залиты алыми лужами крови. Темнозеленые прожорливые щуки с выпирающими брюхами, нежные лещи, золотисто-розоватые карпы, черные тупоголовые морские бычки, плоская полосатая камбала, серебриные мандарины, красноглазая плотва, скользкие лини, раки, крабы, морские каракатицы, пауки, лягушки, головастики, тошнотворные водяные чудовища целыми грудами ползают по столам, другие пестрят распластанными внутренностями, утопая в алых лужах. Продавцы ловко отшвыривают товар, острой булавой прокалывают голову, или отрезанный ломоть и галантно вручают покупателю покупку, подвешенную на самодельной бичевке. От едкого запаха гниющей рыбы, сырости, смолы и моря, кружится голова, вздрагивают ноги в коленях, — сам начинаешь чувствовать себя задыхающейся рыбой на скользком прилавке торговца.

Крик и гул вокруг такой, что беспрерывно звенит в ушах. Среди монотонных зазываний продавцов, взвизга китайки и жужжащего говора толпы, неожиданно, над самым ухом, раздается звериный дикий рык, похожий на продолжительный громкий зев, когда скулы сворачивает от скуки. Или, вдруг, выкатится грохот ломовой телеги, залягут медяки брдобрея, часто-часто загремит гонг, откуда ни возьмись, запищат худзины, тоненько запоют свирели в китайском оркестре на похоронах, сопровождаемых искусственными рыданиями ведьм-плакальщиц в белых траурных халатах. Звуки неожиданно нарастают, поспевают в договку, рассыпаются вдали, как обломки глиняного кувшина, падающего на звучную сталь, покатываются медными шариками и глухим щебнем под ногами толпы и внезапно замирают перед гнусавым напевом чулочника, чей голос, словно выходящий из пустой каменной пещеры, оглушает, щекочет слух, точно заведенный над ухом граммофон.

В птичьих рядах, среди кудахтанья кур, победных возгласов петухов, металлического криканья уток, крика гусей и зазорных фраз полугаев, поют соловьи, заливаются канарейки, щебечут на всех своих языках и наречиях всевозможные породы птиц. Здесь можно встретить редчайшие породы павлинов, колибри, лучших певунов и певцов пернатого царства. Китайцы щеголи расхаживают со своими клетками, закрытыми черным сукном от дневного света, продают, торгуют, обменивают одну птицу на другую, заботливо подкладывают корм своим затворницам. В этих рядах также положен предел китайской честности и, сплошь да рядом, вместе с редчайшими дорогими породами птиц, предлагаются профанам уличные подмалеванные воробы, пестро разукрашенные щеголи, старые соловьи сходят за молодых, а женские экземпляры за мужские. Из клеток льется на головы прохожих непрекращаемый поток птичьего помета и густой тяжелый запах зверинца неприятно щекочет ноздри, вызывает беспрестанное чиханье. Тут же в клетках делают непристойные движения марьяшки, удивленно оглядывают толпу серые медвежата, пугливо отскакивают зайцы, любопытно высматривают свои мордочки пятнистые белки.

Сразу, прямо из птичьих рядов и вонючих китайских мясных, попадаешь в ювелирные лавки. Они тянутся по обеим сторонам узенькой улочки, среди угарного смрада базарных харчевен, в перемежку с художественными изделиями из кости и антикварными лавками. На общем ярком фоне предметов из чужеземного грубо отделанного золота, серебра, среди пестрой мишуры настоящих и фальшивых камней, благородно выделяются мастерски исполненные вещицы из нежнозеленоватого нефрита, прозрачного розового агата и различнейших оттенков слоновой кости. Франтихи-китайки толпами осаждают лавки и прилавки, примеривают кольца, серьги, браслеты, бубланы и ожерелья, охоту и хором восхищаются, показывая унизанными кольцами пальцами на выставку, хохочут и кокетничают с владельцами лавок и бесчисленными приказчиками. Все они напоминают стаю пестрых бабочек, неожиданно залетевших в темную чащу леса. Оживленные взвизги и выкрики женщин дребезжат над улицей, сливаются с деловым солидным говорком приказчиков, с беспрестанным напевом в соседних лавчонках готового платья.

Молодой китаец в сером шелковом халате, с тупым круглым деревенским лицом, перекладывает высокую гору шелковых сатиновых и бумажеиных штанов, халатов и рубаш, мелькающих на солнце яркими сочетаниями неожиданных красок и цветов. Приказчик, с закрытыми глазами, как поют старые птицы, без передышки напевает нудно восточный мотив, отдаленно напоминающий торжественное чтение Торы в синагоге. Мелодия монотонно поднимается и опускается, и усталое ухо напрасно ждет конца трескучей, как стук мотора,

бесконечной фразы. Расхваливая товар, приказчик тут же, привычными движениями, показывает его лицом и изнанку, пробует руками крепость материала, доброту подкладки, пуговицы, застежки и вышивки, пока не переложит всю кучу, достигающую потолка, с места на место. Затем снова, без передышки, начинает с конца. Вокруг одежных лавок, как перед интересным уличным зрелищем, столпились полуголые оборванные кули, группы крестьян и крестьянок из пригородных деревень, прицениваются одинокие нерешительные покупатели.

Медленно, степенно хозяйским шагом обходят пищевые лотки жирные повара. Они все удивительно похожи друг на друга, выделяясь в массе худых обнаженных тел солидными животами, ленивой сытостью и критической оценкой товаров. Некоторых из них сопровождают кули с полными корзинами мяса, рыбы, овощей и фруктов. Торговцы любезно раскланиваются с поварами, обмениваются с ними вежливыми комплиментами, галантно отпускают им провизию вне очереди. Сгибаясь под тяжестью ноши, кули, как собака на цепи, ходит за своим жирным начальником, почтительно выжидает в стороне во время его любезных разговоров с продавцами, посалывает от усталости.

Среди базара, меж овощных лотков и рыбных рядов, дает концерт уличная певица. Ей аккомпанирует на худине высокий сухой старик с забавным сморщенным лицом, реденькой козлиной бородкой и веселыми глазками. Тут же на маленькой скамеечке, ежеминутно жестоко почесываясь, тренькает в такт песне деревяшками-кастаньетами лысая старуха. Лицо у певицы рябое, изъеденное оспой, продолговато-округлое, похожее на яйцо, с узенькими косыми щелочками глаз, плоским сплюснутым носом и желтыми, словно приклепанными ушами. Над подрисованными тонкими дужками бровей опущена гладко-подстриженная челка, украшенная пестрыми лентами, серебряными булавками и побрякушками. Она выдавливая из себя тоненьким голоском скудную мелодию, напоминающую весеннюю копачью свадьбу, или вой собаки на луну. Временами, когда тоненький

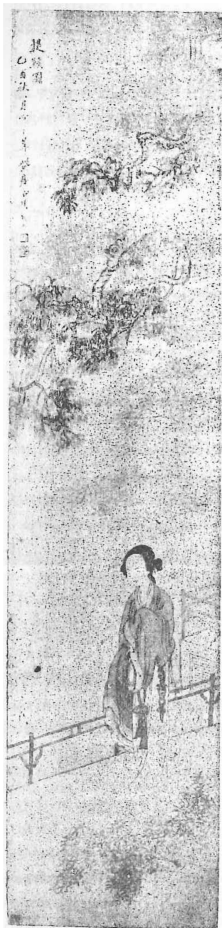
фальцет ее поднимается фальшивыми переходами высоко-высоко, раздражая слух, точно жалобный плач щенка, не верится, что эти звуки выдает из себя худенькая девушка-подросток с полуоткрытым ртом и бесстрастно опущенными по швам заглубленными руками. Лишь тощий животик ее подтесно заткнутой курточкой заметно поднимается и опускается в такт заунывной мелодии, извивается в конвульсиях. Старик, поскрипывая на худзине, обходит толпу с мисочкой, весело балагурит, передразнивая певицу, отпускает шуточки, вызывая ржанье толпы. Рядом с ним ссызывают зрителей ударами в гонг и барабаны акробаты-фокусники: дают целое представление под открытым небом бродячие артисты.

В общей сутолоке и базарном гуле картины и лица беспрерывно текут и меняются, как на экране в кинематографс. Вот, пробежал, крикнув над самым ухом, старьевщик. Важно обходит свой пост китаец-полицейский, худой и высокий, в смешной черной военной форме европейского образца, висящей на нем, как платье на вешалке, молодежато задрал форменную фуражку с белым широким кантом на затылок. В руке у него длинная дубина и, должно быть, от нечего делать, он забавляется, поминутно опуская ее на спины встречающих кули, угощает ею ни в чем неповинных смиренных лампадо, пронесшихся в толпе с призывным криком: Вот, шмыгая маленькими, горизонтально поставленными изуродованными ножками пробрается в толпе китаянка, а за нею, как выводок цыплят, вокруг курицы, придерживаясь крохотными рученками за ее атласные штанишки, толпится куча полуголых, подмалеванных грязных ребятишек с почерневшими на солнце открытыми задками... Редко-редко улыбнется в толпе красивое личико молодой китаянки с черными, как угольки, печально задумчивыми глазками и подрисованными аркообразными бровями, в пестрой шелковой курточке и розовых штанишках, свежая и подрумяненная, как сошедшая с рекламной картинки. Также неожиданно легкой походкой пройдет, дополняя друг дружку, группа молодых наложниц, оставляющих после себя теплый, щекоцущий чувственность, сладковатый запах гарема, вызывающий в памяти нелепые китайские сказки с легким оттенком Боккаччиовых новелл. Толпа между ними расступается, а мужчины умиленно глядят им вслед с чуть скрываемыми улыбками, перемигиваются. Молодой монах, в широком, богато вышитом красном атласом халате, медленно пробрается в толпе, ударяя палочками в подвешенный на шее пурпурно-лакированный деревянный барабан, похожий на тыкву. Он, видно, не торопится. Его бритая голова под широкой соломенной шляпой безвольно болтается, как на манекене, а остро-пронизывающие глаза маниака-фанатика устало скользят по предметам и лицам, не останавливаясь. Встречные женщины, замедляя ход, деловито заворачивают углы своих курточек, вытаскивают из внутренних карманов медяки и благоговейно бросают их в копилку барабан молчаливо кланяющегося монаха. Мимо прошмыгнул черный загорелый маньчжур с огромными тюками ситца на бамбуковых коромыслах, издавая на ходу отрывистый ухающий звук, похожий на крик совы в дремучем лесу. За ним в припрыжку, словно эхо, монотонно расхваливает свои пельмени маленький шуплый китаец, совсем невидимый под переносной кухней, распространяющей на далекое расстояние смрадный чад бобового масла и вяленого мяса.

После полудня базарная площадь заметно пустеет. Там, где раньше находились лотки, роются в мусоре бродячие собаки, тощие кошки и сотни искалеченных нищих, оборванных, полуголых и страшных, похожих на смрадных животных. Вдалеке за каналом, бледнеет высокая слепая стена храма

и, словно приподнятые крылья огромной летучей мыши, чернеет под ясным небом серая крыша, с загнутыми вверх острыми углами.

Там и сям, копошатся среди отбросов небольшие кучки желтых тел, раздается неожиданный стук закрываемых лавок и бесконечной монотонной молитвой поднимается в бесстрастную голубую высь облегчающий стон кули, припадающих лицами к земле под непосильной тяжестью кладей.

2. ДОЧЬ ГРОБОВЩИКА.

1.

В большой семье гробовщика Чжао-го, маленькая Ин росла незаметно, как травинка в поле. Она была тоненькая и хрупкая, как болотная лилия, с коричневыми масляными живыми глазками и приятными ямочками на гладких розовых щечках. Когда она смеялась, маленькие зубы ее влажно сверкали, как две узенькие ниточки жемчуга на солнце. И походка у нее была неожиданно-веселая и упругая, как у молодого козленка в светлое майское утро.

От родителей она редко слышала ласковое слово. В мастерской вечно грохотали топоры и рубанки, визжала большая широкая пила, и пахло, как в аду, смолой, политурой, застоявшимися красками и сырым деревом. Старшие сестры не любили ее, сваливали на нее все работы по хозяйству и, нередко, вцепившись длинным пальцами в черную косу девушки, били ее метлой, или отшлепывали грубыми, как затвердевшая кожа, руками по щекам. Единственная подруга ее, хромоногая Иа-ше, жила далеко за городом у Красной пагоды. Ин росла одиноко, с раннего детства привыкла безропотно переносить обиды, подчинялась старшим, была благоправна, мягкосердечна и лишь в очень тяжелые минуты смачивала слезами свою миниатюрную подушечку на общем кане. Но обычно маленькая Ин воспринимала мир в красном цвете радости. На Новогодних празднествах, когда она отправлялась с сестрами в храм Чен-Хуна класть земные поклоны и в едком дыму жертвенных огней возносить свои молитвы богам и предкам, встречаемые мужчины останавливались на своем пути и долго удивленными взглядами провожали ее розовую атласную курточку, синие папалонички из красивого блестящего шелка с матовыми цветочками и длинную, черную, девичью косу, украшенную наивными голубыми ленточками, роговыми розетками, замысловатыми гребешками и серебряными булавками. Да, маленькая Ин была педурна собою!

На той же улице помещалась антикварная лавка господина Ван-чжи-суня. Вход стерегли страшные, пестро-разрисованные деревянные и глиняные боги, сверкавшие лаком и позолотой, свирепые драконы и крокодилы с хищно разинутыми ртами и паводившие ужас каменные чудовища. Рядом с ними в глубин-

Две сестры.

Гу-да-чан. Прием гостей.